

сти, Ф. Лёзер отмечает, что характерной чертой многих переводов на немецкий язык саги о Чингачгуке Ф. Купера является упрощение сложных взаимоотношений между индейцами и первыми европейскими поселенцами, стремление представить их в резко поляризованном виде как некую систему оппозиций, которую было бы легко воспринимать. Например, прослеживается явная тенденция к проведению параллели между противопоставлением индейцев и белых поселенцев с одной стороны, и природы и цивилизации с другой. Причем индейцы предстают дикими, неспособными к восприятию и пользованию плодами цивилизации. В оригинале же на первый план выдвигается оппозиция белые люди/природа, индейцы рассматриваются как одно из многочисленных проявлений природы [12].

В целом, метод оппозиций является одним из инструментов структурализма, который вполне успешно применяется для анализа различных языковых явлений. Вполне обоснованным и продуктивным представляется применение структурного принципа как для анализа художественного текста, так и собственно для текстостроения. Необходимо отметить, что случаи использования оппозиций как ведущего приема построения смысла и всего прозаического текста встречаются не часто, и представляется не вполне правомерным говорить об универсальности применения данного принципа. Тем не менее, вполне перспективным на наш взгляд является рассмотрение перевода сквозь призму оппозиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Галеева Н.Л. Дихотомии перевода // Язык и его функционирование. Межкультурная коммуникация. Тверь: ТвГУ, 2004. С.17-24
- Галеева Н.Л. Система и структура в лингвистических исследованиях / Материалы международной конференции, посвященной 60-летию факультета иностранных языков. Часть 1. Тверь: ТвГУ, 2003. С.37-47.
- Егоров Б.Ф. Структурализм. Русская поэзия. Воспоминания. Томск: Водолей, 2001. 512с.
- Енина Л. Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации. http://www.tolerance.ru/biblio/dzvalosh-1/multi/2_enina.html. 14.03.2006.
- Куприянова В.М. Культурная оппозиция: методы и задачи исследования // Формирование дисциплинарного пространства культурологии. Материалы научно-методической конференции. СПб: Санкт-Петербургское философское общество. Серия «Symposium». Выпуск 11. 2001. С.65-68.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1984. 535с.
- Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 352с.
- Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. 536с.
- Hatim B., Mason I. The Translator as Communicator. London-New York: Routledge, 1997.
- House J. Universality versus Culture Specificity in Translation // Translation Studies. Perspectives on an Emerging Discipline. Cambridge University Press, 2002. P.92-110.
- Koster C. The Translator in between texts: on the Textual Presence of the Translator as an Issue in the Methodology of Comparative Translation Description // Translation Studies. Perspectives on an Emerging Discipline. Cambridge University Press, 2002. P.24-37.
- Löser Ph. Chingachgook zwischen Indianerspiel und Klassenkampf: Amerikas Ureinwohner in den Leatherstock Tales und ihren deutschen Bearbeitungen // Göttinger Beiträge zur Internationale Übersetzungsforschung. Übersetzung als kultureller Prozess – Rezeption, Projektion und Konstruktion des Fremden. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1998. S.150-176.
- Newmark P. No Global Communication without Translation // Translation Today. Trends and Perspectives. Clevedon: Multilingual Matters Ltd, 2003. P.55-67
- Snell-Hornby M. Translated Studies. An Integrated Approach. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing company, 1995. 170p.

ИСТОЧНИКИ ЦИТИРОВАНИЯ

- Горький М. Рассказы. М.: Художественная литература, 1981. 493с.
- Gorky M. A Book of Short Stories. London, 1942. 403p.
- Gorky M. Chelkash and Other Stories. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1929. 261p.
- Gorky M. Selected Short Stories. N.Y.: Frederick Ungar Publishing, 1959. 348p.
- Gorky M. Selected Stories. Moscow: Progress Publishers, 1981. 503p.
- Gorky M. Twenty Six and One, and Other Stories. N.Y.: Taylor, 1902. 242p.

Чебанов С. В. (Санкт-Петербург)

О ПРЕДЕЛЬНОМ ТОЖДЕСТВЕ ГЕРМЕНЕВТИКИ, ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ

Currently, it is fair to talk about formation of a certain topical closeness of non-fiction hermeneutics, pragmalinguistics, applied linguistics, cognition, cognitive hermeneutics, and Hermeneutica Sacra. In the not-too-distant future these disciplines may elaborate a uniform doctrine reinterpreting the basics of Hermeneutica Sacra.

Бурное развитие лингвистической прагматики, начавшееся в 1960-ые гг. после работ Дж. Остина, позволило к началу 1980-ых годов говорить о становлении прагмалингвистики (отличной от лингвистической прагматики) как о качественно новом состоянии представлений о языке и речи [3]. Прагмалингвистика выступает при этом как синтетическая область деятельности, далеко выходящая за рамки лингвистики и обобщающая достижения как разных разделов лингвистики (психо- и нейролингвистики, прикладной лингвистики, лингводидактики и т.д.), так и других дисциплин (педагогики, дефектологии, риторики, коммуникологии и т.д.).

Говоря о прагмалингвистике, сам И.П.Сусов отмечает, что она стоит в ряду других парадигм, в рамках которых изучается язык, – парадигм Гумбольдта и Соссюра. Однако набор этих парадигм можно расширить, добавив к указанным лингвистике фон Гумбольдта и семиологии де Соссюра еще Hermeneutica Sacra и филологию, что позволяет говорить о пяти фун-

даментальных парадигмах представлений о языке и речи [4]. При этом обнаруживается, что в pragmalingвистике «восстанавливаются в правах» многие тематизмы, разрабатывавшиеся в *Hermeneutica Sacra* и отвергнутые в филологии, лингвистике и семиологии как безосновательные [5].

В настоящее время еще невозможно говорить о том, что сложилось какое-то структурно оформленное концептуальное ядро pragmalingвистики, однако ясно, что положения о слове как действии, о речи как о самостоятельном деле, многоаспектное рассмотрение языковой личности, способной слушать, говорить, читать, писать, интерпретировать и выражать свою волю посредством речи позволяют видеть в pragmalingвистике познавательную базу для прикладной лингвистики (ср. [1]), практические запросы которой уже давно не могут быть удовлетворены традиционной лингвистикой. Отмеченное обстоятельство позволяет говорить о предельном тождестве pragmalingвистики и прикладной лингвистики, которые выступают как «гносеис» и «техне» одной и той же сферы деятельности.

Одним из шагов становления как pragmalingвистики, так и прикладной лингвистики является отталкивающееся от функциональной стилистики изучение ограниченных подъязыков, обслуживающих те или иные области профессиональной деятельности. Прагматические требования к этим языкам выдвигают на первый план проблемы понимания профессионально значимого смысла создаваемых на них текстов, что приводит к складыванию герменевтики non-fiction как особой версии герменевтики [6]. В этом качестве герменевтики non-fiction является непосредственным связующим звеном *Hermeneutica Sacra* и pragmalingвистики. При этом наиболее наглядны прикладные аспекты герменевтики non-fiction при организации интервьюирования экспертов, необходимом при создании экспертных систем [8].

На основе гуманитарной проблематизации подобной деятельности складывается когнитология понимаемая как выявление и представление человеческих знаний в интеллектуальных системах [7], в качестве составной части которой выступает когнитивная герменевтика, ориентированная на интерпретацию текста в системах искусственного интеллекта [2]. Методической же основой последней являются в первую очередь методы прикладной лингвистики.

Рассмотрение перспектив развития герменевтики non-fiction и pragmalingвистики позволяют говорить о герменевтике non-fiction не только как о строительном материале pragmalingвистики, но и о допустимости того, что при дальнейшем развитии концептуальные каркасы этих областей окажутся тождественными.

Таким образом можно говорить о складывании единого плотного тематического тела герменевтики non-fiction, pragmalingвистики, прикладной лингвистики, когнитологии, когнитивной герменевтики и *Hermeneutica Sacra*. При этом имеет место не только фактическая тематическая близость

указанных областей, но и потенциальное тождество познавательных программ герменевтики non-fiction, pragmalingвистики, когнитологии, когнитивной герменевтики, объединение усилий которых может привести к созданию единой доктрины, в рамках которой будут переосмыслены основные представления *Hermeneutica Sacra*. Отдельной проблемой является прояснение положения данной области в ряду когнитивных наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Герд А.С. О специфике задач в прикладной лингвистике // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 5. СПб, СПбГУ, 1998.
- Манекин Р.В. Философия Возрождения о Человеке, Мире и Боге. Донецк, 1992 (рукопись).
- Сусон И.П. К предмету pragmalingвистики // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин, Изд-во Калинин. ун-та, 1983.
- Чебанов С.В., Мартыненко Г.Я. Основные типы представлений о природе языка // Acta et commentationes universitatis tartuensis. Выпуск 911. Tartu, 1990 а.
- Чебанов С.В., Мартыненко Г.Я. Идеи герменевтики в прикладной лингвистике // Quantitative linguistics and automatic text analysis. 1990. Acta et commentationes universitatis tartuensis. Выпуск 912. Tartu, 1990 б.
- Чебанов С.В., Мартыненко Г.Я. Семиотика описательных текстов. Типологический аспект. СПб, СПбГУ, 1999.
- Шрейдер Ю.А. Экспертные системы: их возможности в обучении // Вестник высшей школы, 1987, N 2.
- Экспертные системы. Принципы работы и примеры. Под ред. Р.Форсайта. М., «Радио и связь», 1987.

Чхиквадзе Н.К. (Москва)

ЧУВСТВО ПОНИМАНИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

The article raises the problem of determination of the concept of intercultural dialogue. Among the difficulties connected with this issue are how to identify a culture and who should be considered the bearer of the culture.

Что есть диалог культур? Диалог как общение, направленное на взаимопонимание, предполагает наличие живых участников такого общения. Для описания процессов диалога, достижения понимания между людьми, постижения произведений искусства настойчиво употребляется термин общение, а не коммуникация как «технический» процесс. Кто же является носителем культуры, вступающим в диалог? Например, можно ли сказать, что русская культура участвует в диалоге с какой-либо другой в лице А.С. Пушкина и Людмилы Зыкиной? Или в лице тети Поли из деревни Бухловка Калужской области? Или в лице депутата палаты Федерального Собрания РФ, delegированного в Европарламент?